

«НЕУДОБНЫЙ КЛАСС» В РОССИЙСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИЯХ: ПЕРСПЕКТИВЫ АГРАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

«INCONVENIENT CLASS» IN THE RUSSIAN
AND SOVIET EMPIRES: PROSPECTS OF
AGRARIAN RESEARCHES IN THE FIELD OF
FATHERLAND HISTORY

A. Fazliev
D. Lyukshin
A. Sattarova
M. Galeeva

Summary: Relevance of the studied problem is caused by need of full function restoration of a self-reflection in relation to the Russian history discourse. Article purpose: judging the results of the intellectual storm undertaken by domestic historical community at the end of the last century when by the end of the ninetieth years the majority of questions too difficult or inconvenient for the Soviet historiography were still not solved, but at least put. The leading approach to researching this problem is the problem-and-chronological, allowing both to group challenges on subjects and to analyses the course of their overcoming. Inability of national history to solve its own professional problem, as a matter of fact, makes the main content of so-called «domestic historiography crisis»; according to the anamnesis, symptomatology and therapy of this problem distinct understanding of the fact, that without research results of the Soviet historiography in discourse formation of the contemporary national history, reception of world historiographic tradition will be impossible. Materials of article can be useful for understanding and minimization of historiographic tradition rupture consequences, to form the basis for further development of historical researches in the field of civil and agrarian history.

Keywords: History of Russia, historical community, crisis of historical knowledge, historical science, historical studies.

Фазлиев Айваз Миннегосманович

*К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский)
федеральный университет
aivazik@mail.ru*

Люкшин Дмитрий Иванович

*К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский)
федеральный университет
dmitryi.lyukshin@kpfu.ru*

Саттарова Аделя Ильхамовна

*К.и.н., старший преподаватель, Казанский (Приволжский)
федеральный университет
satadel@inbox.ru*

Галеева Марьям Арслановна

*К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский)
федеральный университет
galeeva_mariyam@mail.ru*

Аннотация: Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью восстановления в полном объёме функции саморефлексии, применительно к дискурсу российской истории. Цель статьи: осмысление результатов интеллектуального штурма, предпринятого отечественным историческим сообществом в конце прошлого века, когда к концу девяностых годов большинство вопросов, слишком сложных или неудобных для советской историографии были, если и не окончательно решены, то, во всяком случае, поставлены. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является проблемно-хронологический, позволяющий как сгруппировать вызовы по темам, так и проанализировать ход их преодоления. Неспособность отечественной истории решить собственную профессиональную задачу, собственно говоря, и составляет основное содержание т.н. кризиса отечественной историографии; по анамнезу, симптоматике и терапии этой проблемы должно предшествовать внятное осознание того, что без учёта исследовательских результатов советской историографии в дискурсивной формации новейшей отечественной истории, рецепция мировой историографической традиции окажется невозможной. Материалы статьи могут быть полезными для осознания и минимизации последствий разрыва историографической традиции отечественной истории.

Ключевые слова: история России, историческое сообщество, кризис исторического знания, историческая наука, исторические исследования.

Историческое сообщество в конце девяностых, поднявшееся на штурм бастионов истины, ныне в беспорядке отступает, ссылаясь на очередной кризис исторического знания. К счастью, то, что виделось, как последний бой оказалось банальной кабацкой потасовкой, как по результатам, так и по набору аргументов и мобилизуемых лингвистических конструкций. А, «к счастью», потому что историкам всё ещё удаётся сохранять некое единство корпоративного духа и способность, а главное

– вкус к анализу сделанного и получившегося.

Наличие рефлексии относительно содержания и результатов познавательного процесса имманентно присущей здоровому исследовательскому сообществу внушает – по крайней мере – сдержанный оптимизм относительно состояния и перспектив развития отечественной исторической науки [2;3;5;10]. Однако очевидная дисфункция в деле поиска новых смыслов – несколько настораживает. Непрерывный синтез означающих,

исходным материалом для которого выступают сами же означающие, составляя основное содержание процесса, так называемого научного поиска в социальных дисциплинах, обуславливает мутацию образа истины в гуманитарной исследовательской традиции. Эффект мерцающей семантики – врождённый дефект и одновременно способ существования дискурсивной формации наук об обществе – когда означающее скользит над означаемым (в соответствии с Соссюровским алгоритмом S/s) не коррелируя с ним, время от времени инспирирует генерацию исследовательским сообществом серии образов, которые, будучи наброшены на ткань социального более или менее удачно презентуют содержание общественных трендов и даже предоставляют шанс рассмотреть сочетание воли и процессов: между текущими массами означающего и означаемого возникают «тонкие, подобные струям дождя, вертикальные пунктирные линии», оказывающиеся «слишком хрупкими в этом двойном потоке» [8]. Однако и этого довольно, чтобы позволить социологам или философам выгибать формат дискурса под свои концепты, втискивая в одинаковые лингвистические формы иногда совершенно разное содержание. И при этом поддерживать иллюзию, что они не просто понимают друг друга, но и говорят об одном и том же. В прорицании о прошлом, претендующем на роль квинтэссенции гуманитарного знания, шум дождя слышится сегодня, пожалуй, наиболее отчётливо, напоминая, что дискретность является атрибутом дискурсивной формации исторической науки, которой закрыт доступ к *Ultima ratio* спасительного эксперимента.

Истоки и следствия дефицита инструментов исторического познания.

Культурный шок и нищету методологии, опосредованную организационно-идеологической сегрегацией советского периода, можно было с полным основанием числить по списку детских болезней новейшей российской историографии, когда бы не наследственность, отягощённая укоренением в качестве атрибутов отечественного исторического знания этацентристского подхода и, – скажем так, – дедуктивной хронологии, в пределах которой любой исторический сюжет мнится эманацией державного тела. Строго говоря, традиция эта родом даже и не из СССР, она возникла непосредственно в процессе формирования дискурса русской истории, квинтэссенцию которого составляла апология государства российского. Более того, ребячливая державность – необходимый этап становления зрелой историографической традиции: своего рода пубертатный период собирающегося под знамёнами национально-государственной историографии сообщества юных друзей Клио. Беда в том, что у нас он несколько затянулся, а обрюзгшие в своих синекурах Мальчиши-кибальчиши, выехав на деревянных лошадках закономерностей прямо

из шестидесятых, всё продолжают размахивать картонными мечами в нумерологических дискуссиях, имеющих к постижению заявленного объекта такое же отношение как «поллюция к деторождению» [9]. Зрелище, прямо скажем, «на любителя», хотя, пожалуй, единственная проблема, связанная с использованием дедуктивного метода в качестве профессионального инструмента отечественной истории, в том, что поднимающиеся из «низов» интеракции с его помощью «не берутся», оставаясь вне исследовательского поля. Принимая во внимание весьма умеренную политическую активность населения нашей страны, это затруднение можно игнорировать, однако некоторые события в прошлом Отечества, всё же требуют для истолкования методов, так сказать, индуктивных. Не случайно русская смута XVII века неизменно оставалась наиболее сложным сюжетом для русских историков, а непротиворечивое разъяснение её внутренней логики предполагало некоторую методологическую раскованность. Возникшая на исходе прошлого века задача осмысления Второй русской смуты – с лёгкой руки В.П. Булдакова [4] поименованной «Красной» – также потребовала мобилизации методологических практик, выходящих за пределы традиционной номенклатуры приёмов отечественной историографии.

Методологический переворот поневоле.

Решительная трансформация социума не оставила представителям русской исторической науки шанса описать события Семнадцатого года, а для обществоведения советского извода методологический плюрализм был немислим. Впрочем, советские цеховики, подвизавшиеся на ниве прорицания о прошлом, нашли два способа обойти это затруднение. Первый – предполагал подравнивание событий прошлого под тяжёлый ритм законов исторического развития (в итоге Октябрьский переворот Семнадцатого года, например, предстал в качестве закономерного явления, что – попутно – освобождало любознательных исследователей от необходимости углубляться в детали политических технологий большевиков), второй – интерпретацию социально-политических трендов, воплощённых в стихийных массовых движениях, как реакции социального тулова на интеракцию власти или политической группы (в результате появилась возможность настаивать на ведущей роли большевиков в революции 1905 года, например, или, скажем, определить конец 1917-го года как период «триумфального шествия советской власти»), претендовавший на статус актора исторического процесса. Решение для страны с минимально эффективной экспрессивной функцией права весьма смелое, однако же, в дискурсе советского истмата приемлемое. Но вот сбережение этого концептуального комплекса в арсенале современной историографии обуславливает сохранение угрозы непредсказуемости со стороны прошлого.

Впрочем, отказом от истматовского наследства ограничиться уже и не удастся: осваивая «короткие», а в отечественном исполнении – ещё и мизерные – гранты, движимое стремлением к популяризации и публичной самопрезентации историческое сообщество в начале нынешнего века усвоило себе стиль фастансеринга (от англ. fast – быстрый и answers – ответы), позволяющий быстро фабриковать односложные ответы на вопросы, обращаемые к прошлому. Отличительной особенностью этой методологической новеллы становится безразличие к исследовательской традиции и неограниченная редукция, позволяющая бесконечно рекомбинировать проплывающие по волнам означающего смыслы, более или менее осмысленно симулируя некие подобия концептов, сгущающиеся по мере актуализации темы и развеивающиеся после смещения тренда. Сложилась уже целая генерация учёных, которые просто не имеют представления о природе исторического исследования, ограничиваясь компиляциями в рамках годичных грантов.

Начав со второй половины девяностых годов прошлого века переосмысление ключевых сюжетов отечественной истории, сообщество историков к началу века нынешнего естественным путём пришло к осознанию необходимости рекомбинации символической структуры дискурса. Однако эта проблема, к которой стянуты и высокая наука, и школьная пропедевтика, до сих пор остаётся открытой. Тому есть объективные объяснения: научно-историческая традиция, размытая за годы советской власти, пока история подвизалась на поприще служанки идеологии, не может пока что в полной мере удовлетворить запросы сообщества на генерацию актуальных тем; отмеченный родовым клеймом этацентризма дискурс отечественной истории с трудом акцептует новеллы, в которых отсутствует «руководящая и направляющая» субстанция...

Но заглавной причиной, необходимым условием реализации кризисного сценария в деятельности исторического сообщества является, похоже, потеря историческим сообществом способности к идентификации прошлого нашей Родины с имеющимся в распоряжении общественности набором шаблонов социально-политического строя. Эдакое патологическое неузнавание, блокирующее как возможность с помощью легального инструментария исторического познания нарисовать непротиворечивую картину прошлого, так и (что намного тяжелее) – реализацию сообществом познавательной интенции.

В качестве симптома это состояние появляется в конце девяностых годов, когда на смену добросовестным попыткам приспособить для нашего прошлого инстру-

ментарий теории тоталитаризма, не пришло ничего. Требовавшие прорыва этацентристского дискурса крестьяноведческие и гражданско-исторические подходы по известным причинам были отвергнуты, но и полноценная рецепция формационного подхода, на фоне глобального банкротства марксистской идеологии, оказалась невозможна. Затянувшаяся саморефлексия, которая уже начинает смахивать на нирвану, обуславливает «гниение» дискурса, не испытывающего бодрящего воздействия критики и благотворного влияния динамики.

Строго говоря, как вслед за «великим Ранке», отмечал почти столетие назад Эрнст Трёльч, кризис в исторических исследованиях невозможен, поскольку архивная работа и поиск новых документов прошлого не прекращаются в любых условиях, но трогательная беспомощность концептуализации при детальной проработке локальных сюжетов, доходит «до-смешного» уже в буквальном смысле: «Деятельность крестьянина в традиционном обществе не нацелена на получение прибыли» [6], – кто же станет спорить – деятельность подавляющего большинства людей во все времена не направлена на получение прибыли, просто потому, что нормальные здоровые люди ищут наслаждений и иногда власти... детей хотят, или – там – баньку поставить. Дело не в том, что крестьянин в своих жизненных стратегиях не ориентировался на получение прибыли, а в том, что рыночная координация хозяйства сама по себе не формирует экономически рационального поведения. Или вот, усмотрев в подноготной сокращения «трудоспособного сельского населения», государственную политику «расселения «неперспективных деревень», автор подчёркивает, что тормозом трансформаций выступали, слабо развитая инфраструктура села, традиции труда, досуга, быта, культурно-психологический строй деревенской жизни» [7]. Это надо так понимать, что по хорошим дорогам колхозники бежали бы в города ещё быстрее, или речь идёт о каких-то разнонаправленных трансформационных потоках? Причём одному из них явно мешал деревенский *modus vivendi*. И почему при переходе из второй в третью фазу модернизации и интенсификации аграрного производства «дефицит молочных и мясных продуктов стал постоянным явлением»? И это ещё из лучших!

Эвристический потенциал концепта этики выживания в приложении к российской истории был очевиден два десятка лет назад, очевиден – и сейчас. Проблема в том, что даже в 2011 году всё ещё всерьёз требовалось: «...привести доказательства того, что теоретическая концепция «моральной экономики» крестьянства имеет прямое отношение к положению дел в деревне России в начале прошлого века и внятно объяснить, зачем вообще это требуется доказывать» [1].

Историческое сообщество: попытки саморефлексии.

Сообществу крестьяноведов, ревниво коснеющих в сознании своей «незалежности», тяжело отслеживать актуальные тренды [11], но и в истории, претендующей на мобилизацию инновационных эвристических практик, аналогичная ситуация. Хотя, и здесь всё объяснимо: идеологическая подоплёка исторического нарратива, составляющая нечто вроде скелета исторического самопознания (каким уж оно сложилось на сегодняшний день), в отечественной истории практически невозможно, поскольку любая национальная самопрезентация, апеллирующая к прошлому, содержит некий урок, позитивное содержание которого, собственно говоря, и призвано легитимировать существование той или иной социальной общности.

Вот и отечественная история рефлекторно стремится развернуть ретроспективу прогресса. Правда, после 1917-го и 1991-го рассчитывать на позитивную нотату из прошлого россиянам явно не приходится, хотя бы потому, что тотальное отрицание исторического опыта, – коим отмечены указанные даты, – исключая идею поворота из интерпретации прошлого, обяывает популяризатора, подвизающегося в амплу прорицателя о прошлом, расставить напротив этих цифр знаки «+» и «-» (причём два одинаковых знака ставить нельзя, и «минус на минус» – плюса не даёт). Задача, сродни классической апории: «Казнить нельзя помиловать», вот только результат в обоих случаях получится членовредительским. Ну а поскольку отыскать образцы для подражания в прошлом не получается, постольку и поиски исторического смысла бытия Отечества несколько осложняются, вплоть до полного его отрицания в согласии с доктриной постмодерна, – этой французской «болезнью», неосторожно подхваченной группой доверчивых неопитов.

Соответственно, вопрос о вскрытии природы неузнавания пока, во всяком случае, остаётся открытым. Экспертная площадка здесь определяется формирующимся *par excellence* резюме о патогенном характере этого феномена. И, между прочим, поднимать руку до того, как успеешь додумать ответ – не самый удачный выбор. Пределы саморефлексии исторического сообщества, конечно той его части, которая ещё способна на такую процедуру, ограничиваются двумя крайними вариантами интерпретации синдрома неузнавания: первый, – это симптом тяжкого недуга, поразившего членов исторического цеха; второй, неузнавание – всего лишь очередной лукавый способ выживания сообщества, сродни практикам замещённого познания – Синто, открывающий путь к снятию симптоматики.

Итоги самопознания: диагноз или эпикриз.

Поскольку диагноз в данном случае ставится на основе самообследования, – оно должно быть максимально объективным, что весьма непросто гарантировать – на кону оказывается не просто профессиональное реноме национального исследовательского сообщества, но и перспектива поддержания автономного исследовательского дискурса. Не вполне понятно, куда авторы клонят? Попробуем пояснить. Сразу оговоримся, что каждый из ответов имеет как лестные, так и нелицеприятные аспекты. Начнём с версии симптома, в рамках которой диагностируется усталость декомпанировавшегося сообщества историков, которое, утратив параметры научной школы, больше не способно исполнять познавательную функцию и формировать знаково-символическую систему образов прошлого. Проще говоря, историческое сообщество не перенесло тягот постсоветского периода и приказало долго жить. Поэтому ближайшая задача сохранившихся в наличии историков – обеспечить, во избежание нарастания энтропии, скорейшую реставрацию дискурса. Такая точка зрения позволяет опереться на развитую традицию русской истории, волшебным образом совместив её с дискурсивной формацией Истории СССР.

Реализация заглавной интенции научного познания, – поиска объективной истины, – предполагает напряжённую и постоянную рефлексию и саморефлексию научного сообщества относительно хода и результатов собственной деятельности. Между тем в отечественной истории разрывы исследовательской традиции препятствуют решению научных задач. Рассогласование дискурсивных формаций русской истории и отечественной истории постновейшего времени исключает не только возможность прямого заимствования исследовательских результатов имперских историков, но и непосредственное продолжение исследований досоветского периода.

Ближайшие перспективы исторического сообщества. По-человечески понятная и выглядевшая вполне логичной попытка избавиться от марксистской методологии, – сполна показавшей свою неэффективность, – обернулась расколом исследовательского сообщества и методологическим кризисом, преодолеть который, удалось лишь вне рациональной сферы, задействовав механизм забывания прошлого, вытеснения его сюжетов за рамки исторической памяти. Результатом этого процесса, продолжающегося в исторических исследованиях без малого два десятка лет как раз и стала невозможность идентифицировать и описать российский и советский

социум в границах исторического поля. В этом смысле для российских историков весьма полезным может оказаться опыт постсоветского штурма, предпринятого отечественным историческим сообществом, когда к концу девяностых годов большинство вопросов, слишком сложных или неудобных для советской историографии были, если и не окончательно решены, то – во всяком случае – поставлены. Однако разрыв исследовательской традиции не позволил большинству российских истори-

ков адекватно воспринять результаты дискуссий, развернувшихся в исследовательских центрах на закате XX века. В результате, отечественное историческое сообщество вынуждено вновь осваивать уже пройденные темы. И хотя мы можем утешаться мыслью о том, что это естественный процесс, требующий определённого времени, именно его дефицит во многом определяет отставание гуманитарного сектора российской науки от современных исследовательских трендов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабашкин В.В. Концепция «моральной экономики» крестьянства и российская деревня начала XX века // Крестьяноведение: теория, история, современность. 2011., Вып. 6. С. 135-156.
2. Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М.: АИРО-XXI, 2011. 247 с.
3. Бордюгов Г.А., Ушаков, А.И. «Поиски альтернативных структур в исторической науке. М.: АИРО-XX, 1998. 143 с.
4. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
5. Вашик К. Представление исторического знания и новые мультимедийные технологии. М.: АИРО-XX, 1999. 128 с.
6. Есиков С.А., Есикова М.М. Традиции и новации в аграрной культуре России (1880-1917 гг.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. 2011, Вып. 6. С. 157-175.
7. Корнилов Г.Е. Модернизация аграрной сферы России в XX веке: региональное измерение // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. 2011, Вып. 6. С. 210-228.
8. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда / [пер. с фр. А.К. Черноглазова, М.А. Титовой]. Москва: Русское феноменологическое о-во, 1997. 183 с.
9. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм (1909). URL: <http://www.magister.msk.ru/library/lenin/len14v02.htm> (пופер. 24.5.2020).
10. Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. М.: АИРО-XX, 1995. 216 с.
11. Скотт Дж. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005. 568 с.

© Фазлиев Айваз Миннегосманович (aivazik@mail.ru), Люкшин Дмитрий Иванович (dmitryi.lyukshin@kpfu.ru), Саттарова Аделя Ильхамовна (satadel@inbox.ru), Галеева Марьям Арслановна (galeeva_mariyam@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»